

Салимгареев Максим Владимирович

ПРЕДПОСЫЛКИ РАСЦВЕТА НЕОСТОИЦИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: К ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В статье рассматривается встреча мыслителей Нового времени с учением стоиков в условиях социального и мировоззренческого кризиса XVII столетия в Западной Европе. Выясняется, что в ситуации драматического и самостоятельного мировоззренческого выбора западноевропейские интеллектуалы обнаружили в стоических идеях инструмент духовного приспособления к вызовам современности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Дальнейшее развитие фуги основано на парном, остигнатоном дублировании отдельных ритмических мотивов темы: флексатон – пар, гуиро – подвешенная тарелка, коровий колокольчик – большой барабан.

Еще один театральный элемент композитор оставил напоследок. Он появляется в коде концерта. «Мне очень давно хотелось реализовать свою идею, – рассказывает Е. Подгайтц, – еще в училище я подумал, что было бы интересно заставить ударника играть сразу на двух инструментах – ударном и каком-то еще» [1, с. 216-217]. Такими инструментами оказались вибрафон и блок-флейта. В партии последней появляется новое тематическое построение в пределах терции. Оно было введено Е. Подгайцем как наиболее удобный вариант для исполнения мелодии (на духовом инструменте) одной рукой. Побочная партия (у вибратона) здесь теряет свою помпезность. Робко, просто, спокойно звучат ее проведения на фоне призрачно-истаивающего бесконечного канона терцового мотива (вибратон, колокольчики).

Таким образом, автор предлагает двухчастную модель инструментального концерта: сонатное аллегро и фуга, замыкаемые кодой. Экспериментируя с возможностями ударных инструментов, композитор раскрывает их многогранный потенциал, обеспечивающий особую гибкость в воплощении смысловых нюансов. При этом сам облик ударных «представлен» не только как «приятный собеседник», солист, «аккомпаниатор», но и как самостоятельный оркестр в оркестре.

Список литературы

1. Голубева Е. Жанры концерта и оперы в творчестве Ефрема Подгайтца: дисс. ... канд. искусствоведения. М.: МГК, 2009. 280 с.
2. Денисов Э. Ударные инструменты в современном оркестре. М., 1982. 256 с.
3. Подгайтц Е. Авторские аннотации к сочинениям [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ефрема Подгайтца. URL: <http://www.podgaitz.info/annotacii.htm> (дата обращения: 04.05.2012).
4. Шабунова И. Инструменты и оркестр в европейской музыкальной культуре: учебное пособие для вузов по специальности «Музыковедение». Ростов н/Д: РГК, 2011. 261 с.

“DUET” OF ENSEMBLES, OR *CONCERTO BREVIS* OF E. PODGAITZ

Galina Anatol'evna Rubakhina

Department of Music Theory

Rostov State Conservatoire (Academy) named after S. V. Rakhmaninov

rubakhina-evgl@rambler.ru

The author considers the interpretation of percussion instruments, reveals their character and interrelation with symphony orchestra instruments in the context of the dramaturgy of one of E. Podgaitz's concerts - *Concerto brevis*, which differs on a number of parameters from other composer's works identical in genre, substantiates that the address to the set of these tasks helps reveal the single, individual-authorial variety of the genre – “duet” of ensembles (percussive and instrumental ones), and tells that the scientific novelty is in the revelation of this problem (in the works of E. Podgaitz) that was not concerned before.

Key words and phrases: “duet” of ensembles; sonority; thematism; sonata form; fugue; theatricality.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье рассматривается встреча мыслителей Нового времени с учением стоиков в условиях социального и мировоззренческого кризиса XVII столетия в Западной Европе. Выясняется, что в ситуации драматического и самостоятельного мировоззренческого выбора западноевропейские интеллектуалы обнаружили в стоических идеях инструмент духовного приспособления к вызовам современности.

Ключевые слова и фразы: философия; стоицизм; неостоицизм; Новое время; Западная Европа.

Максим Владимирович Салимгареев, к.и.н.

Кафедра гуманитарных дисциплин

Казанский национальный исследовательский технологический университет

msalimga.dis@gmail.com

ПРЕДПОСЫЛКИ РАСЦВЕТА НЕОСТОИЦИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: К ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ[©]

Стоическая школа в античную эпоху и в Греции, и Риме была влиятельным и популярным направлением философской мысли. За шесть веков существования традиции стоики выдвинули и разработали проблемы

этики, логики, гносеологии, психологии, эстетики, естествознания, выдвинули идеи о свободе, о всеобщем благе и ценности человеческой личности и т.д. Стоическое учение при всем своем интеллектуализме отличалось доступностью и простотой, отразив при этом глубокие психологические и идеологические потребности эпохи кризиса полиса.

Стоицизм проник в иные эпохи, так же как и некоторые другие влиятельные философские школы античности. Однако его путь при внешней схожести обладает рядом специфических особенностей. Одними из первых на стоицизм как на объект рецепции стали смотреть христианские умы первых веков. Явные и неявные заимствования происходили по многим направлениям учения Стои, при этом стоит отметить, что из этики их было гораздо больше, чем из стоической физики и гносеологии. Отцы Церкви, такие как Тертулиан, Клемент Александрийский, Лактанций, Иероним, Ориген и даже Августин, находились под сильным впечатлением от стоических идей. Однако в период поздней патристики и Средневековья к стоикам происходит охлаждение, их идеи перестают отождествляться с конкретными представителями и в целом переходят в скрытое бытование [8].

Однако к XII веку память о Стое начинает возрождаться. Идеи стоиков были лишены, в отличие от неоплатонизма, онтологичности и устремленности к Божественному и космическому, но позволяли человеку гармонизировать свой внутренний мир вне всякой зависимости от мира внешнего. К этому надо добавить наличие у стоицизма (этапа Поздней Стои) универсальных этических постулатов, весьма созвучных христианству. Все это вновь приковало к нему взгляды европейских интеллектуалов. Начиная с XIV-XV вв. позднестойческая моралистика Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия входит в круг чтения европейской читающей публики. Такая популярность стала возможна благодаря титанической работе по собиранию античных рукописей, вскоре начинается издательский бум, в крупнейших европейских городах, таких как Париж, Рим, Неаполь, Венеция, издаются произведения Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия.

Середина XVI столетия ознаменована наступлением «золотого времени» стоической литературы в Европе [Там же, с. 340]. Этот этап «стоического Ренессанса» связан с представителями так называемого «неостоицизма». Отцами-основателями новой презентации стоицизма были Юст Липсий, Гийом Дю Веер, Матиас Миттнер, Иоганн Шеленберг, Хероним де ла Крус, Франсиско Кеведо.

Неостоицизм стал кристаллизировать пристальный интерес к Стое как философскому направлению. Идеологический смысл этого явления скрывался, по определению А. А. Стоярова, «в утолении жажды в определенном мировоззрении» [7, с. 76]. Постепенно стоицизм из разрозненных отрывков превращается в систему, которая, дополняя христианство, по-особому формирует взгляд на мир. Необходимо отметить, что это происходило в условиях, когда стала ощущаться невероятная потребность не в «сухом» академическом учении, так или иначе трактующем этические дилеммы, нужда была в «живом» стоицизме, который смог бы в повседневных тревогах стать пристанью для метущегося человеческого сознания, неспособного к умиротворению и спокойствию без внешнего нравственного руководства. Терапевтический компонент стоицизма стал выступать своеобразным суррогатом «веры на все времена» [Там же].

Влияние позднестойческой этики в Новое время испытывают многие мыслители. Эразм Роттердамский поздним стоикам обязан своим уяснением моральных основ христианской философии. Найдя в них свой фундамент, Монтень в своих «Опытах» находит золотую середину между идеями прогресса и этическим пессимизмом. Воодушевленный римскими стоиками Боден в «Шести книгах о республике» оппонирует Макиавелли, противопоставляя его принципам светлый этический идеал государства [9].

Семнадцатое столетие в этот процесс внесло свои коррективы. На фоне вызревания рационализма, социальных катаклизмов интерес к античным стоикам усиливался, достигнув своей глубины, ибо в новых условиях человек уже не радовался, не восхищался, он тревожился. Эта ситуация дополнялась и тем, что в художественной жизни фоном и питательной средой неостоицизма стала начавшаяся эпоха барокко. Как эстетическое явление Нового времени, она не могла не вобрать в себя, не отразить противоречия наступающего социального хаоса, она становится глашатаем «поэтики кризиса» [5, с. 45].

Этот кризис неразрывно связан с тем сильнейшим сдвигом в «картине мира», который происходит в момент перехода от Средневековья к Новому времени в результате разнообразных общественно-исторических перемен [4]. Действительно, в историческом ракурсе XVII век – это ключевая фаза развития европейской истории. Это – время ожесточенной борьбы между силами, защищающими феодальные устои, и силами, противостоящими этому процессу. Унесшая тысячи жизней Тридцатилетняя война в Германии, войны кальвинистов-гугенотов и католиков во Франции с чудовищной резней Варфоломеевской ночи, перманентные столкновения пуритан и сторонников «высокой» церкви, наполнившие кровью Англию, отразили невероятный драматизм борьбы консервативных и реакционных сил за будущее народов Европы.

Взросшая сложность условий, в которых в XVII столетии разворачивается общественная и идеологическая борьба, наглядно отражается в духовных, идейных поисках этой эпохи. На этом фоне происходит обострение интереса к проблеме социальной обусловленности человеческой судьбы, взаимодействия во внутреннем мире человека личного и общественного начал. Философия все больше и больше исходит из представления об автономной, свободной человеческой личности. В то же время меняется и концепция смерти. Она перестает быть печальным, тихим и мирным событием, человек оказывается вырванным из жизни насилием или страданиями [2]. Это подводит культуру Нового времени к неизбежному парадигмальному перевороту в водовороте духовных поисков, на сцену выходит рационализм, выстраданный XVII столетием в пучине духовных и исторических бурь.

О чем мог размышлять в эти смутные дни человек, созерцающий, как на его глазах рушится прежний мир. Властитель умов Франции Т. де Вио рисовал ужасающую возможность возврата в хаос религиозных войн как в первозданный космический хаос: «Я думаю, Вселенная исчезнет в этом бедствии, / После которого земля станет пустыней, / Воздух превратится в огненную бурю, / Небо провалится в бездну ада, / А беспорядочные, лишенные света элементы / В ужасе вернуться в первичную массу». Слова же А. д'Обинье подводят трагические итоги религиозных войн: «Век, нравы изменив, иного стиля просит. / Срывай же горькие плоды, что он приносит!» [Цит. по: 1, с. 56].

Все явственнее отныне намечался процесс секуляризации сознания, который прочно завладевал умами европейцев XVII в. Для новой эпохи характерна ситуация драматического и самостоятельного мировоззренческого выбора. Добровольный или вынужденный поиск приводил к непрерывному обсуждению конфессиональных вопросов, доходящему до откровенных политико-идеологических противостояний [5, с. 57].

Разум XVII столетия – это этическая опора, без которой немислимо оставаться в здравом уме. Именно нравственный смысл разумного в человеческом существе поставлен выше других значений этого источника, именно он признается инструментом преодоления пороков современности. Разум становится мерилом блага, гарантией нравственного возрождения. Этические искания Нового времени, таким образом, обретают в позднем стоицизме отклик, поскольку его философская этика, согласующаяся с христианской нравственностью, является, прежде всего, результатом рационального мышления. И в этом смысле XVII столетие является переломным, ибо несет на себе печать не только исторического, социального, мировоззренческого, но и «эпистемологического кризиса». «Ведущим мировоззренческим принципом всей эпохи барокко и одновременно его генеральной темой является *vanitas mundi* (“бренность мира”) – видение мира в бесконечной изменчивости, текучести, постоянном непостоянстве. Барокко исследует великие контрасты бытия – мрака и света, плоти и духа, времени и вечности, жизни и смерти, разводит их врозь и неожиданно объединяет, демонстрируя их взаимопереходы и мнимость границ между ними (как, например, в поэзии Дж. Донна). Предельно изменчивому и диссонансному миру противостоит *Constantia* – постоянство человеческого духа, ищущего опору в собственной душе и в вере, утверждающего ответственность перед самим собой, перед своим временем, перед Творцом» [6, с. 34].

Стоическая мудрость в это время стала не только «успокоительным бальзамом для образованных людей, которые не могли вынести этого тревожного, зыбкого существования» [4, с. 93], она превращает этику Нового времени в локомотив веры в прогресс. Со стоицизмом на протяжении всего Нового времени в этические конструкции европейцев вливается «свежая струя», которая активизирует стимулы к деятельности, непосредственно заложенные в христианской этике, а вера в прогресс становится отныне путеводной звездой [9].

В XVII веке вдохновения от стоиков черпали многие мыслители. Среди них, конечно, Жюст Липс – ключевая фигура для европейского гуманизма XVII столетия. Именно он впервые предпринял попытку полной реконструкции учения Стои. Кроме того, его перу принадлежат важнейшие философские и политические трактаты, основанные на стоических идеалах мудрости. Другим знаменательным представителем неостоицизма стал политик и религиозный деятель Гийом Дю Вер, поставивший перед собой цель – укрепить христианство надлежащим философско-этическим основанием. Христианская адаптация стоической этики ни до, ни после его жизни не имела столь глубокой проработанности и основательности. В том же ряду мыслителей мы должны указать священника Пьера Шаррона. Будучи приверженцем ортодоксальной христианской позиции, он вместе с тем в своем произведении «О мудрости» утверждает, что этика стоит над традиционной религией и может держать себя независимо по отношению к ней, нисколько не поступаясь при этом своим существом и своей глубиной [8, с. 342].

Кроме вышеупомянутых авторов, отметим также и то, что определенное влияние стоицизма испытывает Гуго Гроций, особенно в своем известном труде «О праве войны и мира», где он формулирует принципы естественного и международного права и тем самым отстаивает требование разума и гуманности в области права. В означенный список авторов отнесем и Декарта, чей этический идеал насквозь принизан неостоическим духом. Стоит отметить, что его этическое учение о великодушии, самообладании, подчинении страстей, изложенное им в «Страстях души», создается под впечатлением моральных воззрений Дю Вера. Декарт, отстаивая стоические идеи, рассуждает о непреклонном владении человеком страстями, о внутренней уравновешенности. «Он преклонялся перед силой человеческого духа и способностью последнего властвовать над обстоятельствами. Декарт не осуждает страсти как таковые. Они могут служить действенным стимулом поведения, вдохновлять личность на подвиги. Однако страсти должны санкционироваться разумом, соответствовать представлениям об истине и добродетели. Что же касается “дурных” страстей, то Декарт учит, как следует бороться с ними, вытесняя их из сознания и подавляя» [3, с. 115]. Данный перечень мыслителей можно продолжить именами не только Джовани Манцини, Джозефа Холла, Антуана Леграна, Геца де Бальзака, но и фигурами Пуфендорфа, Спинозы [8, с. 344-345].

Итак, перед нами обнаруживается как минимум две предпосылки расцвета неостоицизма в Западной Европе в Новое время. Первая вытекает из определенной близости этических постулатов позднего стоицизма и христианства. Это обстоятельство позволило усилить популярность стоической этики в умах европейцев. Вторая предпосылка – в социально-исторических катаклизмах Нового времени, которые подталкивали интеллектуалов к восприятию стоицизма как такой системы принципов, которая могла бы соответствовать вызовам современности. Стоические постулаты стали восприниматься в качестве терапевтического средства от «смутных времен».

Список литературы

1. Андреев Л. Г., Косиков Г. К., Пахсарьян Н. Т. Зарубежная литература второго тысячелетия: 1000-2000 / под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. 335 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
3. Виппер Ю. Б. Французская литература 30-х и первой половины 40-х годов XVII в. // История всемирной литературы. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 115-120.
4. Кланицаи Т. Что последовало за Возрождением в истории литературы и искусства Европы // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969. С. 84-101.
5. Пахсарьян Н. Т. XVII век как «эпоха противоречия»: парадоксы литературной целостности // Зарубежная литература второго тысячелетия: 1000-2000: учебное пособие / под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С. 40-69.
6. Синило Г. В. Экклезиаст как метатекст эпохи барокко // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Вып. 17. С. 32-38.
7. Столяров А. А. Стоицизм в зарубежной историографии: материалы к истории изучения одного философского направления // Материалы к историографии античной и средневековой философии. М.: ИФАН, 1989. С. 64-100.
8. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: АО КАМИ ГРУП, 1995. 448 с.
9. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 340 с.

**PRECONDITIONS OF NEOSTOICISM FLOURISHING IN WESTERN EUROPE:
TO PHILOSOPHICAL THOUGHT HISTORY**

Maksim Vladimirovich Salimgareev, Ph. D. in History
Department of Classical Disciplines
Kazan' National Research Technological University
msalimga.dis@gmail.com

The author considers the meeting of the Modern Age thinkers with the doctrine of stoics under the conditions of the social and worldview crisis in Western Europe of the XVIIth century, and ascertains that in the situation of dramatic and independent worldview choice the Western intellectuals found the tool for the spiritual adaptation to the challenges of modern times in stoic ideas.

Key words and phrases: philosophy; stoicism; neostoicism; Modern Age; Western Europe.

УДК 34

Юридические науки

В статье раскрывается ряд практических вопросов, связанных со сбором персональных данных частных охранников, персонала и посетителей на объектах охраны при обеспечении пропускного режима. На основе анализа статей 3 и 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и законодательства о частной детективной и охранной деятельности автором вносятся предложения по совершенствованию нормативного регулирования в этой области.

Ключевые слова и фразы: персональные данные; обработка персональных данных; пропускной режим; внутриобъектовый режим; объект охраны; частный охранник; частная охранная организация.

Юрий Михайлович Саранчук, к.ю.н.

Кафедра финансового и административного права

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина

motyagig@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВНУТРИОБЪЕКТОВОГО И ПРОПУСКНОГО РЕЖИМОВ
НА ОБЪЕКТАХ ОХРАНЫ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)[©]**

Проблема персональных данных в частной охранной деятельности весьма актуальна. Она и напрямую и косвенно затрагивает такие сферы частной охранной деятельности, как трудовые отношения в частной охранной организации, имеющие свою специфику; оказание услуг по защите жизни и здоровья граждан; использование при обеспечении внутриобъектового и пропускного режимов на объектах охраны систем контроля управления доступом, видеонаблюдения и ряд других. Даже простое перечисление вопросов, связанных с обработкой персональных данных в частной охранной деятельности, показывает их многосторонность и неоднозначность решения. В настоящее время, на наш взгляд, рассматриваемому вопросу уделено незначительное внимание, в том числе и в научном аспекте.

В статье речь пойдет о вопросах, связанных с обработкой персональных данных при организации и осуществлении внутриобъектового и пропускного режима на объектах охраны частными охранными организациями (далее – ЧОО).